

С огромной периодичностью, утром раннего дня, детей богатых и не очень, семей, родов, фракций, можно заметить идущих по улицам города. Одни шли в сопровождении слуг, друзей, знакомых, другие, что побольше богаты, решали выбирать транспорт, тем самым указывая на свой статус богатеньких сынков и дочерей. Вся молодежь, не старше пятнадцати — считайте совершеннолетие, и не младше шести лет, училась в престижном и единственном официальном заведении Школа Милисиона представляла из себя обширную территорию, расположенную у подножья горы, потому школьникам частенько приходилось путешествовать к храму знаний на своих двоих, одновременно борясь с собственной сонливостью и крутым подъемом.

По пути, как это часто и бывает, дети и их сопровождающие, чаще всего горничная или дворецкий, сбивались в группки по несколько детей, что, при учитывании их сопровождающих превращалось в настоящую толпу. Детям, как и в целом остальным членам семьи разрешалось дружить только с «правильными» друзьями. Исключения есть, но на то они и исключения, чтобы подтвердить правило, установленное большинством. Таких отщепенцев как Нилрем, обходили стороной даже не смотря на солидный статус его провожатой — Терезы Латрей, одной из хранителей Мико Памяти. А пареньку это не доставляло того несчастья, сколь много груза ему приписывала его тётя, считавшая Нилрема одиноким парнем. Она мысленно сплела его поведение с кажущимся одиночеством и отшельничеством, ведь по сути, маг до сего дня и вправду не заводил друзей больше, чем у него было год назад. А ведь большинство компаньонов Грейрата были по сути своей навязаны ему самой судьбой.

Ощувив непередаваемую тоску за одиночество родного племянника, Тереза не смогла спокойно смотреть ему в спину и тайком утерев выступившую слезу, попыталась подбодрить Нилрема добрыми словами напутствия.

— Держись крепко, заведи много друзей и знакомых.

Как можно было догадаться, сам Панацея, ни о какой такой одинокой душе, в своём представлении и знать не знал, и ведать не ведал. Он недоумевающе озирнулся на девушку, и едва не покрутил пальцем у виска признавая родственницу душевно больной. На устойчивые пять ударов сердца, в воздухе застыл немой вопрос: «О чём ты?» Нилрем не решался перефразировать его в своём стиле: «Тётка, ты о чём вообще думаешь?»

После неловкой паузы, которая так и хотела дабы её чем-то заткнули, на уши юноше присела громкая парочка богатеньких сынков. Они же, вместе, ехали в карете с открытыми окнами. Грейрат ещё успел заметить двух охранников так же смиренно сидящих внутри, с закрытыми глазами. Они не пытались уменьшить шум господинов, которые как один, изо всех сил старались нагнать на себя побольше внимания.

— Новенький в наш класс переводиться, ты знал?

— Да как же, как же, середина года, кто в такое время к нам переведётся?! Ври больше.

— А вот и увидишь, я слышал от отца, что к нам гения приставят. Из Латрей.

— О, было бы очень хорошо, но повторю, не верю я тебе и твоим бредням. Ты на прошлом месяце что-то такое же мне говорил, а что в итоге? Пёс блохастый к нам во двор заглянул, ты же сам его камнем прогнал.

— Да не, то я тебе не клялся...

— Ты каждый раз клянёшься. Вот в позапрошлом месяце.

— Так! Отставить сомнения! Хочешь, давай заключим пари!

— А давай! Ставкой будет...

На этом карета отъехала дальше сверхчеловеческого диапазона Грейрата. Прослушав весь их диалог по новой, но уже у себя в голове, Нилрем не выдержал и ущипнул себя за переносицу, вызывая тем самым пытливый вопрос своей тётки.

— Что не так?

— Поступать в это время, так уж необычно?

Вопрос племянника, не являлся тем, что могло озадачить его молодую тётку.

— Так и есть. Когда я училась в школе, к нам в класс переводили детей, но то было в начале года, и то, я насчитаю за десять лет не больше двух. Но ты не бойся, за тобой Латрейи, мы своих в обиду не даём.

Невысказанным остался сухой ответ парня: «Я-то Грейрат, а не Латрей». Вместо неуместного пасмурного слова, тот повеселел, так, словно завидел гору золотых монет, и прокатил на языке меняя тон от тучного к светлому, от грубого к тонкому.

— Раз Клэр так высоко меня ценит, мне надо выслужиться, разве не так, тётушка Тереза?

— Чт... что-то мне от твоей улыбки тревожно. Ты ведь не замышляешь чего нехорошего, да?

Лицо юного мага в ответ убавило улыбку на минимум, оставив тот кусочек, который подойдёт иронии, в то время как глаза, таинственно моргнули.

— Ведь, не замышляешь же, да?

Нилрем оставил непоколебимую физиономию, как ответ, над которым всю оставшуюся дорогу билась Тереза.

Дети Академии Милисион, учились ранним утром и днём за час до обеда. Больше тысячи учеников съезжались сюда со всей столицы и ближайших окрестностей. Существовали пансионаты, где проживали толпы детей тех семей, которые были далеко и не могли позволить сыну ежедневно добираться до школы. Две смены, утренняя и дневная, ввели не только для удобства учеников, но в первую очередь, для уменьшения нагрузки на учителей. Множество профессоров не согласны с подобной практикой, ведь по сути им приходится повторять вычитанный материал снова, и так каждый день. Но, это жалобы текущего педагогического состава, ещё до реформы. Прошлый же, ратовал за разделения, ведь держать под контролем пятьдесят человек в одиночку было абсолютно невозможно. С того времени прошло множество изменений, как в школьной форме, сделав её удобнее, так и подходу к учёбе, но кое-какие рудименты, со старой школы остались. Большие классы, в которых ранее было не протолкнуться, сейчас слегка пустели при наличии двадцати учеников за место пятидесяти. Из-за этого учитель, бродящий по авансцене, отдавал каблуками легким эхом. Парты учеников расположены на манер амфитеатра, каждый последующий ряд был все выше и выше, где на самом верху, лениво располагался личный помощник преподавателя. Он — ещё один рудимент старой системы, для управы с толпой детей, одного взрослого могло оказаться мало. В настоящее время, этот самый помощник, не редко выступал за место учителя, пока тот

отдыхал.

Как и всегда, сейчас выступал лично преподаватель. С очками полу дужками, на тонкой серебряной цепи, учитель, был мужчиной в возрасте, когда короткую бородку и виски уже кусала седина. Впрочем, чётко поставленный шаг, на кожаных туфлях не давал усомниться в одном факте. Профессор ещё мог задать жару, как в прямом, так и в переносном смысле. За этими старческими морщинами крылись хищные глаза, которых боялся каждый из присутствующих учеников и учениц. Их всех бросало в пот, когда на его предмете начинались самостоятельные работы, или не дай Милис, экзамен. Тут не проходила ни одна шпора, ни один клочок лишней бумаги, будто у профессора была специализированная магия или артефакт, который следил за каждым в классе. Не помогал ни статус, ни деньги, по крайней мере такие слухи бродят по школьным коридорам.

«Сегодня должен прийти новенький», с прищуром осмотрев свой кабинет, профессор поправил очки, так и не найдя незнакомое лицо. Все, как и прежде отводили взгляд, все, как и прежде неуютно ерзали на месте. «Хмпф, это его проблемы», не желая более ждать новенького, учитель сложил руки за спиной и медленно цокая подошвой, начал размеренно бродить по кабинету, отмеряя каждым новым шагом ровно метр.

— Насколько вам всем должно быть известно, мана — это основа основ для любого заклинателя. Скажу вам больше, всего один из двадцати рождается с даром к магии, всего один из этих двадцати счастливиц может манипулировать своей внутренней силой, но исключительно один из ста тех, кто может использовать магическую силу, сумеет достичь продвинутого уровня магии. Я знаю. Вы можете считать себя слегка зазнавшимися, ведь прошли первые два отбора. Да благословит вас великий Милис, и каждый из вас сумеет добраться к ещё большим высотам, но как показывает мой многолетний стаж, не больше чем три-четыре студента по окончании трехлетнего курса сумеют достичь продвинутого уровня в одной из выбранных стихий. Это неизбежное выгорание печалит как мою душу, так и душу ваших опекунов, родителей, других преподавателей и в главной мере, подобное печалит благодатного Милиса! Но! Это не повод опускать руки. Пока ваша кровь горяча, а тело молодо, нужно приложить все силы и доказать в первую очередь себе, что вы можете быть лучше, чем вчера, что вы уже лучше, чем вчера! Не в магии, так в естественных науках, которые важно знать, и магам и тем, кто в магии больших успехов не добился.

Остановив собственный спич резко, без подготовки иль злого умысла, учитель тронул бороду, словно поглаживал пальцами ценнейший артефакт. На парочку мгновений он выпал из реальности, поддеваемый угрюмыми глазами своих нерадивых учеников, которым такой выпад из реальности, казался штилем перед штормом. Облизав тонкие губы, сокрытые за густой бородой, мужчина подошёл к собственному, учительскому, столу. Это был тот же стол учителя, как по некой меж мировой методичке, ведь собирал он у себя на плахе, и горсть карандашей, и цветной мел, и парочку бумажек откровенно слабых до учёбы детишек, которым впору будет вскоре прийти на пересдачу. Одним слитым движением кисти, тот взял не только кубок с водой, но и малый список.

Все в кабинете тут же напряглись, застыли, подобно косуле, перед взором хищника. Лица мальчиков усохли, а головы пытались спрятаться в плечах, как это делают улитки, не дай бог тронутые солью. Девочки трубили точно так же, и только горстка смельчаков, оставалась не тронута общей сменой течения реки под названием «настроение». Однако, так казалось только на первый взгляд. Сидящий в отдалении помощник, склонил голову на парту, прикрывая карие глаза, он видел все. Отличники, естественным образом, являли из себя неинтересный глаз профессора материал. Они были вне прицела, который бросался точно ножи-взгляды со списка имен в алфавитном порядке, на класс и обратно. Однако, по сжатым до бела костяшкам,

поджатым губам и учащенному пульсу, отличники только пытались храбриться, когда на деле с них стекал последний пот, а живот крутило как после съеденной отравы.

Учитель успел смочить горло прохладной водой, потому собирался выбрать того несчастного, бедного а главное среднего ученика, который как собачка, должен правильно ответить на команду: «голос».

— На мой вопрос, ответит...

Двери в класс распахнулись. Вернее, в них сперва уважительно постучали, из-за чего учитель смолк (в классе, таким образом явилась вакуумная тишина), уставившись на вход, и только в следующую секунду, они открылись, явив пришедших сперва полу дужкам, потом и школьникам, для которых, пришедший оказался пуще ангела и наместника Милиса. Некоторым даже показалось, позади паренька образовался дивный и незримый ореол света.

— Простите за опоздание, — окромя парня, стоящего впереди, в класс зашла и женщина с оружием. Парочка детей, тех что поумнее и смышлëнее, узнали в ней телохранителя Мико Памяти, Терезу Латрей. Сама девушка, узнала профессора, к которому опоздал Нилрем, и после первых трех слов собиралась мирно покинуть комнату, больше не говоря ани слова доброго на прощание. Тереза, ощутив легкий озноб, поджала губы, но стойко взяла за плечо племянника, который беззвучно, тихо удивился.

— Тереза, — мужчина быстро осмотрел бывшую ученицу. — почему опоздали?

— Мы просто слегка... заблудились.

Учитель хмыкнул, и мысленно подметил, как эти низкие слова подобили частому оправданию самой Латрей, во времена её ученичества.

— В таком случае, рад что вы нашли дорогу к нам, — сухо оповестив весь класс, учитель кивнул и указал рукой подле себя. — мне как раз нужен был отвечающий.

— Это хорошо, — в душе скривилась рыцарыша.

Нилрем оставался при своём, считая себя в праве отмолчаться до конца дня, тем самым, гетерохромные глаза должны были получить нужные ответы. В частности, юный маг собирался ответить себе на один, самый важный вопрос: «Нужна ли ему школа вообще?» Коли здесь учили хорошо, добротнo, то можно и подумать, но если же учёба и за милую душу никому не сдалась, а педагоги банально пересказывали книги, то...

Доделать выводы, к чему придет эта элитная школа, Нилрем ещё не успел, потухли свечи, ему умостили руку на плечо.

По меркам Грейрата, старый маг, обладал сильным огоньком маны внутри тела. Подобное, хватаясь за ниточку воспоминаний, однажды парень видел. Хвастливый маг продвинутой ступени в двух направлениях, земля и огонь.

«Помнится мне, раньше я хотел увидеть на пороге дома кого-то вроде него», определенно, мысли Панацей вернулись слегка в прошлое, не столь далëкое если так задуматься, пять или шесть, точно сказать сложно, лет назад. Тогда же надежды Нилрема на статного мудреца, повидавшего множество сражений развенчались, а его взору предстала «маленькая» Рокси. Эта волшебница позволила пареньку ступить свой первый шаг в сторону магии, потому читать книгу по обложке, и кидаться своими старыми наречиями и ярлыками, губы мага посчитали

дерзостью, не допустимой для его статуса.

Тем же временем, из глаз долой, Тереза все же позабыла о родном, и на голой привычке поклонилась учителю, прежде чем уйти. Каждый (кроме Грейрата), понимал её поведение.

— Что ж, молодой человек, звать вас...

Давая паузу для продолжения, Нилрем, ступил вперёд к самому классу, и обозначив кивок, назвался.

— Нилрем Грейрат.

По кабинету поднялась волна шепоток, разгоняя пыль (за те минуты пребывания статуей, мальчишки и девчонки успели её изрядно насобирать). Самые безобидные из которых обсуждали вульгарное и даже фривольное приветствие вопреки всем значимым, мыслимым и писанным правилам. Пока класс, с позволения учителя, пытался прочувствовать и изучить неведомую зверушку, новичка в общем коллективе, этот самый «зверёк», закончил изучать собравшихся здесь великих наследников.

«А собирается тут далеко не пустой сброд». Мысленно кивнув, глаз, который раньше излучал слияние, при свете дня не заметное, погас, как погас и интерес мага. Естественно подобная реакция пришлого не прошла незаметно, каждый в классе воспринял это по-своему.

— Отлично, — уснув томную тишину одним удачным хлопком, учитель, опираясь телом о тяжелый стол представился на свой манер, со всеми почестями и уважением. — меня зовут Кадор Прайс, учитель маговед, и магической истории. Однако ж, Нилрем, прежде чем уйти на вольное место, тебе не составит труда ответить на несколько простых вопросов?

Невинно склонив голову в неведении, так считала большая часть детей позади, Грейрат и подумать не смел о каких-то хитрых замыслах. Ему секундой ранней почтительно представились, поклоном, Нилрем оказался в бодром расположении духа и даже начал подумывать бродить по школе, еже ли все вокруг, подобного же рода льстецы, которые знают свое место. Не видел ослеплённый собственным сиянием ребенок как учитель Кадор гадко кашлянул. Кадору не впервые было учить знатных людей, избранность, которым кажется синонимом их имени. Ощувив лёгкую на подъем, улыбку ближайшего ученика, Кадор Прайс собирался сполна напомнить мальчику, что он здесь далеко не «избранный» и ни один из пришедших ранее, не мог просто отбиться от его вопросов. Он будет до того дотошным, что быстрее ад замёрзнет, чем студент ответит на все его вопросы правильно.

Оба взрослых (один внешне, второй душевно) ликовали, но предпочитали не выказывать эту сияющую гамму чувств на лице. Когда же лениво наблюдающий за ними помощник учителя зевнул, так сладко и широко, что на свете солнца блеснули маленькие, но отчетливые клыки, свой ответ высказал и Нилрем, уже воображая похвалу и чествуя её на кончике пальцев.

— Конечно, задавай любые вопросы.

<http://tl.rulate.ru/book/84638/3388493>